

СТАЛИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Продолжаем публикацию материалов научно-просветительской конференции "Сталинские чтения", прошедшей 21-22 декабря 2019 года в Москве и посвящённой 140-летию со дня рождения одного из величайших политических деятелей XX века Иосифа Виссарионовича Сталина.

Я ХОТЕЛА БЫ НАЧАТЬ с напоминания о том, что И.В.Сталин не только прекрасно разбирался в геополитических процессах, но и имел богословское образование. В силу этого он не мог не понимать той роли, которую играет Ватикан как религиозно-политическая организация, значение которой особенно усилилось после Второй мировой войны. Именно ясная и принципиальная позиция тогдашнего руководства нашей страны в отношении Ватикана обеспечивала возможность Русской православной церкви утвердить документы, которые имеют непреходящее значение для защиты духовной независимости нашего народа.

Вначале надо кратко выделить этапы отношений между СССР и Св.Престолом (до 1926 г. не использовалось название Ватикан). Первый этап длился с 1917 по 1927 год. В эти годы Св.Престол стремился наладить связи с послереволюционным правительством и был нацелен на сотрудничество. Затем он прекратил какие-либо попытки общения и занял жёстко антикоммунистическую и антисоветскую позицию. Особенно ком стоит период Второй мировой войны, когда были сделаны попытки пойти на контакт, но он сменился ещё более жёстким послевоенным противостоянием, которое длилось до начала 60-х годов. Хрущёвское время стало периодом экumenической открытости, которая при Л.И. Брежнев стала сходить на нет. Однако с началом перестройки активное сотрудничество под флагом межрелигиозного экumenического "диалога" увенчалось установлением дипломатических отношений и превращением Ватикана в политического партнёра современного руководства РФ. Мы рассмотрим только дохрущёвское время.

ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД стал годами тяжёлых испытаний для нашей Церкви, поскольку большевистское руководство взяло курс на её вытеснение и устранение из общественной жизни страны. В этих условиях папство, заняв нейтральную позицию, решило использовать данную ситуацию в целях укрепления своего влияния в России, рассчитывая на то, что большевики нанесут такой удар по православию, после которого наша Церковь не сможет выжить, и её место займёт католицизм.

Эта стратегия замены православия была разработана папством ещё до прихода к власти большевиков. В годы Первой мировой войны Бенедикт XV, которого называли немецким папой, сделал ставку не на Антанту, в которой участвовала Россия, а на германо-австрийский блок, поскольку именно с его победой он связывал возможность широкого проникновения в Российскую империю. И если до этого главным фактором влияния католицизма была Брестская уния, то в ходе мировой войны у него появилась возможность уже полностью подчинить себе западнорусские церковные приходы на оккупированных территориях. Главным центром по обработке соответствующих "технологий" была выбрана Галиция, а ключевую роль призваны были сыграть униаты.

Но произошла Февральская революция, в результате которой Временное правительство отменило все ограничения для католиков. Рим с удовлетворением встретил свержение царя, признал новое правительство, и уже 18 марта 1917 г. поверенный в делах России при Св.Престоле Николай Бок сообщил депешей министру иностранных дел Павлу Миллюкову, что папская нота от 9 марта означает официальное признание нового строя. Ватикан рассчитывал на то, что с падением царизма влияние Православной церкви ослабеет и откроется возможность для католической пропаганды и униат. Как писал тот же Бок, в связи с сообщением о революции в России Ватикан испытал "чувство эгоистической радости за интересе Католической церкви". Бок хорошо знал ситуацию и говорил, что "на Россию Ватикан никогда не перестанет смотреть как на тучную ниву, которая может дать ему когда-нибудь обильную жатву". О том же телеграфировал поверенный в делах России в Париже: "Ватикан считает, что создавшееся у нас положение представляет особенно благоприятные условия для католической пропаганды".

Уже в мае 1917 года Ватиканом была создана Конгрегация по делам восточных церквей. И если раньше папство насаждало униатство и проводило беспощадную латинизацию, то теперь главную роль стали отводить католическому восточному обряду, который называли тем "мостом", по которому Рим войдёт в Россию.

Этот вопрос крайне актуален, поскольку именно такие криптокатолические изюминки уловки стали в наше время главным инструментом обработки православных прихожан. Суть по-новому понятого восточного обряда в том, чтобы сохранить в русской церкви всё православный обряд, каноническое право, догматические положения, но подчинить её юрисдикции римского епископа через признание его первосвященства. И если формальная уния была нацелена на церковную иерархию, то восточный обряд — на простых мирян. Исследователь Константин Николаев так описывал это явление: "Брался русский православный обряд в его предвоенном виде, и папа римский клал на него свою каноническую печать. В силу этого православные приходы переходили из юрисдикции православного епископа на юрисдикцию епископа католического, то есть не было никакой унии в смысле соединения, а было поглощение католической церковью восточного обряда православных приходов. Для изучения и воспроизведения догматических, литургических, канонических вопросов и духовных традиций православных церквей был создан специальный Папский восточный институт.

Именно эта стратегия и осуществлялась папством после прихода к власти большевиков. Прекрасно понимая, в каком положении находится наша церковь, Ватикан попытался наладить отношения с новым режимом. В 1923 г. патриарх Тихон по этому поводу писал: "Пользуясь происшедшей у нас неурядицей в церкви, римский папа вскорости стремится насадить в Российской православной церкви католицизм...". Действительно, католики считали, что после падения большевиков или их отказа от своей антицерковной политики, поскольку Православной церкви уже якобы не будет, должна появиться некая новая церковная организация. Она должна обладать большими средствами и техническим аппаратом, так как это привлечёт к ней "усталые сердца русских людей и церковно объединит их под началом Рима".

Папство пыталось представить крушение России как божественное наказание за нежелание вступить в союз с Римом. Неслучайно были совершенно нормальными, обобщёнными такие высказывания, как, например, бенедиктинца Христофора Бауэра: "Большевики умерщвляют священников, оскверняют храмы, но не в этом ли как раз заключается религиозная миссия безрелигиозного большевизма, что он обрекает на исчезновение носителя схизматической мысли, делает, так сказать, "чистый стол" (tabula rasa), и этим даёт возможность духовному воссозданию?" А один венский католический печатный орган так дополнил тогда эту мысль: "Большевизм создаёт возможность обращения в католичество неподвижной России".

В силу этого, в 20-е годы XX века главной задачей папства было добиться соглашения с большевиками, выторговав большие уступки католической церкви и утвердив католицизм восточного обряда. Вокруг этой схемы вёл переговоры с наркомом по иностранным делам РСФСР Георгием Чернышёвым кардинал Пьетро Гастарри на Генуэзской конференции 1922 года. Далее переговоры вёл уже Эудженио Пачелли — будущий папа Пий XII. На первый план тут выходит иезуит Мишель д'Эрбиньи, который несколько раз на протяжении 20-х годов ездил в Россию и написал книгу, которая крайне положительно оценивала большевистский режим. В ней он, например, утверждал, что коммунистический универсализм и католический унитаризм необходимо соединить. Главная же ставка делалась на криптокатолицизм, то есть замаскированный католицизм, когда фактически всё остаётся православным, вплоть до внешней юрисдикции, но иерархи тайно принимают католицизм. Для этого в 1929 году был создан Папский колледж "Русикум" ("Коллегиум Русикум"), который

призван был готовить священников католического восточного обряда.

ПОПЫТКИ ДОГОВОРИТЬСЯ с большевистской властью закончились в 1927 году в связи с выходом известной декларации митрополита Сергея Страгородского о налаживании отношений Российской православной церкви с советской властью. После этого руководство католической церкви резко сменило свою позицию. В 1930 году тогдашний папа Пий XI издаёт послание, объявлявшее молитвенный крестовый поход "за Россию", а д'Эрбиньи издаёт новый труд — "Анти-религиозная война в Советском Союзе", в котором совершенно в других красках и терминах обрисовывает реальность СССР В 1937 году выходит папская энциклика "Divini Redemptoris", которая уже объявляла "безбожный коммунизм". Выходит, понадобилось без малого 20 лет, чтобы католическая церковь высказалась, наконец, по поводу атеистического коммунизма. И далее весь предвоенный период был заполнен антикоммунизмом и антисоветизмом.

Между тем, в самой Италии к тому времени был установлен фашистский режим, с которым Св.Престол в 1929 г. подписал конкордат (по которому, в том числе, создавалось государство Ватикан), а в 1933 г. подписывался договор и с нацистской Германией. Таким образом, Ватикан де-юре признал эти режимы, оформив свою к ним лояльность. Фактически папство оказалось под контролем новых властей, и, видимо, не случайно Черчилль сообщал, что в 1935 г. И.В. Сталин, беседуя с французским министром иностранных дел П.Лавалем, произнёс известную фразу в адрес Ватикана: "А сколько дивизий у папы римского?" Имелась в виду весьма очевидный факт, что Ватикан не играл самостоятельной политической роли в Европе.

Однако на фоне видимого подчинения итальянскому и немецкому режимам началась скрытая переориен-

Ольга
ЧЕТВЕРИКОВА

Хранить нашу веру!

тация Ватикана на США. Эта политическая игра велась Эудженио Пачелли, будущим папой Пием XII, который в 1936 г., будучи в США, установил тесные контакты с американскими промышленными и банковскими кругами. Встречался он и с Рузвельтом, с которым у него была продолжительная переписка вплоть до смерти последнего в апреле 1945 г. Так начинал завязываться тесный американо-ватиканский союз, взаимовыгодный для обеих сторон.

Для Ватикана США становятся главным источником финансирования. Он, например, имел такие тесные отношения с Морганом, что в начале 1938 г. банкиры Дж. П.Морган (младший) и Т.Ламонт (оба не католики) были награждены высшими ватиканскими орденами. Не будем забывать и про мощную католическую церковь США. В свою очередь, американцев Ватикан интересовал не только как религиозный центр (это в перспективе), но и как источник обширной информации, который можно было использовать для влияния на другие страны. Спецслужбы Ватикана считались тогда наиболее информированными, так как обширнейшая сеть его религиозных связей позволяла проводить разведывательные мероприятия. В 1939 году Св. Престол поддерживал дипломатические отношения с 37 странами, и в 22-х из них присутствовали апостольские легаты. Так что госсекретариат Ватикана при своей небольшой численности (32 человека) имел гигантский разведывательный аппарат. На него работали епископы, священники, разного рода ордена, благотворительные организации и фонды — словом, целые сети, которые должны были передавать информацию в одну точку.

С началом Второй мировой войны Пачелли (теперь уже папа Пий XII) оказался в двусмысленном положении. Он не стал объявлять Германии агрессором под предлогом, что папа не может вмешиваться в международную политику, и, провозгласив нейтралитет, до самого конца войны не сделал ни одного заявления в поддержку той или иной стороны. Не осуждая действий Германии и её сателлитов он, вместе с тем, не только не закрыл, но активизировал атлантическое направление своей политики. В этом были заинтересованы и американцы, исходившие из того, что Ватикану предстоит сыграть главную роль в идейно-политической стабилизации послевоенной Европы.

Для более тесной связи с правительством США папа римский основал Вашингтонское архиепископство и назначил архиепископом Франсиса Спеллмана главой католического духовенства всей американской армии. Коммуникация со Спеллманом у него была довольно плотная. А Рузвельт тем временем в январе 1940 г. назначил своего личного представителя при понтифике, которым стал бизнесмен Майрон Тейлор. Он находился в Ватикане с титулом "чрезвычайный посол" и был связан с послом США. Создавалась шекотливая ситуация, поскольку официальных отношений не было, а представитель (позже им стал заместитель Тейлора) в Ватикане был. Совсем парадоксальной она стала, когда Америка вступит в войну, и её представителю будет сидеть в Риме, то есть столице вражеского государства, получая необходимую ему информацию о ситуации в Европе.

В мае 1940 г. Ватикан, учитывая положение дел на фронте, при посредничестве кардинала Спеллмана перемещает свой золотой запас в 7,7 млн. долл. из Лондона в хранилище на территории американской военной базы Форт-Нокс, и с этого времени Федеральная резервная система США превращается по факту в главный иностранный банк Ватикана. Так оно было на протяжении всей войны. Ватикан регулярно получал от США крупные суммы, которые представлялись в качестве "даров католиков", но в действительности поступали из секретного фонда Рузвельта. А понтифик, хорошо понимавший будущую роль США, высокопарно писал президенту уже в августе 1940 г., что он надеется "рассчитывать на поддержку президента в поисках золотого века христианского согласия ради духовного и материального улучшения человечества".

Итак, мы описали положение Ватикана. Что же касается советского руководства, то оно в эти годы знало не так много о том, что происходит внутри самого Св.Престола, и о его тайной деятельности. Ситуация начала меняться только в конце 30-х годов, когда разведку возглавил Л.Берия. Им были набраны новые кадры, двое из них — специально на ватиканское направление. Это были Николай Горшков, направленный в Рим в 1939 году, и Глеб Рогатнев, который с октября 1940-го по август 1941-го был резидентом советской внешней разведки в Италии. Им помогали два римских агента: Гао, который был вхож в политические круги, и итальянец с оперативным псевдонимом Друг, бывший агентом широкого профиля. Им удалось получить подробную информацию о деятельности коллеги "Русикум", благодаря чему под контролем советской разведки оказалась операция по засылке на Урал нескольких его учеников, которых переворачивали по их прибытию на место. С началом Великой Отечественной войны Рогатнев вернулся в Москву, а Горшков переехал в Каир в советскую миссию при союзном командовании и до 1944 года в Риме не появлялся.

СНАПАДЕНИЕМ ГИТЛЕРА на Советский Союз Пий XII и его окружение оказались в ещё более сложной ситуации. С одной стороны, они желали поражения нашей стране, рассматривая нас в качестве главного врага, а с другой стороны, понимали, что если нацизм победит, то католичество как таковое перестанет существовать в силу несовместимости с нацистской идеологией. Но, главное, они учитывали позицию англо-американцев, которые после вступления США в войну стали нашими союзниками.

В силу этого, несмотря на давление со стороны Гитлера и Муссолини, папа так и не высказал ни одного слова одобрения их войне против СССР. А госсекретарь Ватикана Доменико Тардини в ответ на просьбы немецкого и итальянского послов обозначить более чётко свою позицию в отношении СССР заявил: "Требуемые апостольской стилистики к большевикам не требуют никаких новых изысканий. Если речь идёт обо мне, то я был бы чрезвычайно рад, если бы коммунизм был повержен. Он является самым серьёзным, но не единственным врагом Церкви. Нацизм тоже преследовал и всё ещё преследует Церковь. Если бы апостольская столица вспомнила бы публично об ошибках и ужасах коммунизма, то она не смогла бы обойти молчанием заблуждения и преследования нацизма. Поэтому она придерживается в настоящий момент не доктрины кре-

стовых походов, а руководствуется поговоркой "один дьявол другого гонит", если тот, другой, хуже, то тем лучше". Такую же позицию, как мы знаем, занимало и англо-американское руководство.

Вместе с тем, желая использовать ситуацию в своих интересах и понимая, что при завоевании большой части территорий Советского Союза нацисты не допустят туда католиков, римские легаты решили подсушить и заложить свои базы ещё до того, как немцы там крепко обоснуются. Секретарь Священной конгрегации по делам Восточной церкви Эжен Тиссеран разработал целый план действий ("Апостолат в России"), который был скоординирован с главой Ордена иезуитов В. Ледуховским. Чтобы "не поранить", как указывалось, "патриотических чувств русских", было решено сделать всё, чтобы не возникло впечатления, будто существует какая-либо связь между отправкой священников и наступлением немецкой армии. Схема операции Тиссерана предполагала вербовку капелланов для сопровождения немецких частей и сбора информации, но успехом она не увенчалась, так как немцы не допустили действий ватиканской агентуры на "своей" территории.

Таким образом, Ватикан играл на два фронта, но его антисоветская позиция мешала американскому руководству, которому требовалось переломить сопротивление американских католиков, выступавших против сотрудничества с СССР. В связи с этим американцы начали склонять папство к более лояльному отношению к СССР, одновременно призывая и советское руководство к таким шагам навстречу Ватикану, которые положительно воздействовали бы на западное общественное мнение.

Между тем, уже с началом войны в СССР прекратилась антирелигиозная пропаганда, в частности, был свёрнут выпуск журналов "Союза безбожников". Но что касается Ватикана, то советское руководство вело себя крайне осторожно. Хотя, естественно, оно прекрасно

понимало, что граничащие с нами страны: Польша, Венгрия, Чехословакия, — это католические государства, и без соответствующей дипломатической позиции было не обойтись.

Ещё в июле 1941 г. СССР установил дипломатические отношения с польским правительством В. Сикорского, пребывающим в Лондоне. Между Сикорским и советским послом И. Майским было достигнуто соглашение о формировании на территории Советского Союза польской армии из находящихся в заключении польских граждан и военнопленных под командованием генерала Андерса. Для религиозного окормления солдат и офицеров из лагерей в "Армию Андерса" выпустили попов из находившихся там капелланов. Сталин даже согласился на посещение "Армии Андерса" одним из польских епископов, который получил для этого специальное папское полномочие.

Это был первый реальный шаг в сторону Ватикана, сделанный под влиянием чрезвычайных обстоятельств, но он никоим образом не означал изменения принципиальных позиций. Что же касается второго шага, то он так и остался до конца не прояснённым. В соответствии с исследованием историка Б. Филиппова, летом 1942 г. польский посол и французский представитель движения "Сражающаяся Франция" в Москве передали представителям Св.Престола в Тегеране и Сирии сигналы о готовности советской стороны к установлению контактов. Как пишет немецкий историк восстания Ханс-Якоб Шелле: "Римская курия при всём своём скептицизме сочла, что над этим, по меньшей мере, стоит подумать".

Эта "подана сигналов" закончилась ничем, но интересно, что тогда же была запущена фальшивка под названием "Письмо Сталина папе Пию XII". Впервые эта информация появилась на одной из связанных с нацистскими властями радиостанций, которая в марте 1942 г. заявила, что Сталин направил папе римскому письмо, в котором просил об установлении дипломатических отношений между СССР и Св.Престолом. Эту информацию подхватили как немцы, так и союзники. Немцы хотели обличить и прощантажировать римскую курию, а США и Англия решили представить Сталина как вменяемого союзника Ватикана в целях формирования положительного западного общественного мнения. Но, как пишет уже упомянутый Б. Филиппов, вероятнее всего, фальшивка была сфабрикована на Би-Би-Си и запущена в первых числах января 1942 года. На это, в частности, указывает то, что впервые Ватикан опроверг это сообщение уже 7 января. Однако слухи о подобных контактах продолжали распространять и далее.

В 1943 году произошло коренное изменение положения на фронте. И тогда же советское руководство стало получать информацию о том, что американцы и англичане используют Ватикан для того, чтобы вступить в секретные переговоры с определёнными кругами из нацистского руководства.

Действительно с февраля 1943 года посредническая миссия Ватикана выходит на первый план. Его начинают активно привлекать к тайным переговорам, которые вели между собой США и Англия по поводу Германии. Для этого в Ватикан в качестве эмиссара правящих кругов США прибыл американский архиепископ Фрэнсис Спеллман. И пока в Швейцарии шли переговоры между американским представителем А. Даллесом и представителем Германии князем Гогенлоу, Спеллман выполнял собственную миссию. В течение шести месяцев он посещал различные страны Европы, Северную и Южную Африку, Ближний Восток, Иран, и везде его сопровождали американские военные и дипломаты. Главной задачей Спеллмана было добиться сепаратного мира с Германией и выхода Италии из войны при сохранении фашистского режима, но с устранением наиболее одиозных политических фигур. Это, в частности, он обсуждал в ходе встреч в Анкаре с германским послом Францем фон Папеном. Но фон Папен находился под наблюдением советской разведки, которая была в курсе происходящего. Одновременно об этих переговорах доносила в Москву и резидентура в США, которую возглавлял Василий Зарубин (в апреле 1943 года он стал резидентом в Вашингтоне, а до этого работал в Нью-Йорке.) И именно оттуда, из Америки, впервые стали приходить донесения, в которых упоминался Ватикан как место таких переговоров.

Советское руководство знало, что на фоне союзнической солидарности идут закулисные переговоры, и видело, как закладывалась архитектура тесного военного союза между Ватиканом и США, который был направлен против нашей страны. Сталин был не только в курсе планов американского и ватиканского руководства, но и понимал ту роль, которую призван был сыграть Ватикан в качестве религиозно-политической силы в конце войны и в послевоенном мире. В переломный момент войны с помощью Ватикана американцы возрождали в европейских странах католические партии, которые должны были стать их главной опорой в период послевоенной реконструкции. Осуществлялось это при активном участии американской разведки УСС, а одну из ведущих ролей играл частный университет социальных исследований Pro Deo, созданный Ватиканом.

Понимая возрастающее значение религии в общественной жизни страны в условиях меняющейся геополитической обстановки, Сталин не только способствовал восстановлению патриаршества, но и представил программу возрождения церковной жизни в стране. Собрав в сентябре 1943 г. оставшихся высших иерархов РПЦ, он поднял вопрос о помощи государства "церковному центру", заявив: "Вам надо создать свой Ватикан, чтобы там и Академия, и библиотека, и типография помещались, и все другие учреждения, необходимые такой крупной и значительной Патриархии, какой является Патриархия Московская". Естественно, речь шла не о политической организации, а о религиозном центре. Но замысел Сталина шёл дальше.

ПО МЕРЕ ПРИБЛИЖЕНИЯ конца войны явно вырисовывалась новая конфигурация отношений на Западе, в которой должен был доминировать "американский порядок". Руководство США превратило религию в составную часть своей внешнеполитической стратегии, и Ватикан встраивали в неё в качестве ведущей религиозной силы в Европе. Католики составляли большинство европейского населения, и главную ставку новые правящие круги делали на христианско-демократические партии и движения. Таким образом Св.Престол становился важным символом идейной сплочённости Европы, и совместно с оформлявшимся тогда же экumenическим движением (Всемирным советом церквей) должен был воплощать цивилизованный западный мир, противостоящий теперь уже новому врагу — СССР.

Но Советский Союз стал другим, он стал державо-победительницей, а в глазах освобождённых народов — ведущей державой, в том числе и в духовном смысле. Возникло осознание того, что если Россия победила в такой великой войне и изменила свой статус в мире, то изменился тем самым и статус

Русской церкви, участвовавшей в этой Победе самым непосредственным образом. Именно из этого исходил Сталин и, отталкиваясь от идеи "Москва — третий Рим", считал, что Московский патриархат может претендовать на первенство чести в православном мире. Сильному в своём единстве Ватикану должен был противостоять сплочённый Русский православный церковью православный мир. Так впервые за долгое время всплыли вопросы всеправославного единства, и была высказана идея провести в Москве Всеправославный собор.

Ещё в январе 1945 в Москве состоялся Поместный собор РПЦ, на котором было принято Положение об управлении РПЦ и избран новый патриарх — Алексий I, воплощавший собой старый русский консерватизм. Сталин лично контролировал подготовку к собору, и показательно, что в его документах уже содержались отдельные установленные положения определённого внешнеполитического звучания, выходящие за сугубо внутрицерковные рамки и носившие политическую оценку деятельности Ватикана. Так, в принятом в феврале обращении "К народам всего мира" прямо подчёркивались усилия Ватикана "отградить гитлеровскую Германию от ответственности за все совершенные ею преступления" и "оставить после войны на земле фашистское, человеконенавистническое, антихристианское учение его носителей". Это была первая, по оценкам исследователей, апробация антикатолических планов советского руководства, связанных с организацией послевоенного мира.

Поскольку Ватикан всё более усиливал своё влияние в международных делах, весной 1945 г. советское руководство включило антиваиканскую составляющую в свою внешнеполитическую стратегию, что отразилось в документах Совета по делам РПЦ. Совет приступил к тщательному изучению взаимоотношений между католицизмом и православием, истории связей между РПЦ и Ватиканом. Результатом этой работы стали конкретные предложения, направленные против католической церкви и униатства как "защитников и пособников фашизма". Они касались отрыва униатских приходов СССР от Ватикана с последующим присоединением их к РПЦ и организации на западных территориях страны православных братств с предоставлением им права ведения миссионерской и благотворительной деятельности. Было предложено также провести в Москве Всемирную конференцию христианских (не-католических) церквей, главной задачей которой было бы блокирование претензий Ватикана на руководящее мировое значение.

Полностью реализовать задуманное не удалось, так как из-за саботажа греческих первоиерархов готовящийся Всеправославный собор был низведён до статуса Всеправославного совещания глав и представителей автокефальных православных церквей, которое состоялось в Москве в июле 1948 г. и было посвящено 500-летию провозглашения автокефалии РПЦ. Но, несмотря на это, значение данного события трудно переоценить, и его не перекосят никакие происходившие в последующем собрания и встречи. Это было крупнейшей в церковной и культурной жизни событие. Принятые здесь резолюции касались ключевых вопросов: отношения Православия к Ватикану, к экumenическому движению, к англичанам и церковному календарю (речь шла о необходимости сохранения древней православной Александрийской пасхалии). Все они были довольно жёсткими и давали чёткую и ясную оценку католицизму и экumenизму. В резолюции по вопросу "Ватикан и Православная Церковь" было указано, что римская курия извратила истинное евангельское учение и нарушила чистоту древневселенского православия нововлевыми догматами, главный из которых — это совершенно антихристианское учение о главенстве в Церкви папы и его непогрешимости. В силу этого католическая церковь превратилась в политическую организацию, для которой политика стала высшим законом, а папа — политическим деятелем, всегда стоящим на стороне "сильных мира сего". Эта политика была осуждена как антихристианская, антинациональная, направленная против интересов народов, особенно славянских, и ведущая к братоубийственному войнам и защите фашизма.

Такая же принципиальная позиция была высказана в отношении Всемирного совета церквей, который определили как псевдорелигиозную организацию, ставящую целью создать сверхнациональную экumenическую церковь, которая заменила бы собой Церковь Христову и стала бы силой для духовного овладения миром. В основу резолюции по экumenизму были положены слова протомеря И.Г. Разумовского: "Наша Церковь не хочет, не может и не должна быть под влиянием не-церковных организаций. Мы будем оберегать свою духовную свободу как неосценимое сокровище".

Хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что результаты совещания 1948 г. имеют для нас непреходящее значение. Они актуальны как никогда именно сегодня, когда папство под началом иезуитов строит свою глобальную экumenическую антицерковь. И перед нами выбор: либо принимать экumenизм, означающий смерть Православия, либо — держать оборону, хранить нашу веру,

Жили Были

ПОМЕШАТЕЛЬСТВО НА ВМЕШАТЕЛЬСТВЕ

Русских хакеров
сменил художник

ВНОВЬ НАЛИЦО вмешательство России в чужеземные выборы! Держитесь, сограждане! Что за этим следует, мы на своей выдубленной ударами со всех сторон шкуре, знаем. "Бенджамин Гриво, выдвигавшийся в выборах главы Парижа от партии "Бле-рёд, Республика!", основанной Макроном, снял кандидатуру из-за публикации компрометирующего его видео сексуального характера".

Место зловредных и вездесущих русских хакеров, которые всему свободному миру мешают демократично вопле-изъявляться, занял художник-акционист Пётр Павленский: это он в соцсетях дал наводку на видео в стиле "ню" и спил перепику Гриво с его, возмущенно выражаясь, "лирической героиней", где тот весьма некрасиво величает жену и де-тей "тырьмой". Хотя Гриво всё это называет "клевветническими комментариями, ложью, слухами, анонимными атаками", но с выборов-то сошёл! К тому же, политик проговорился, обвинив оппонентов в "раскрытии конфиденциальных личных разговоров". Не клевета, получается? "Веб-сайт и социальные сети транслировали отвратительные нападки, ставя под угрозу мою личную жизнь. Моя семья этого не заслуживает".

А разве чья-то семья заслуживает такого? Но что ж, продвинутые интернет-технологии — о двух концах. Западное сообщество посеяло ветер информации войны и фейк-атак, так жните бурю. И возмущаться: "А нас-то за что?" — можно, но не на всех эти крики о помощи действуют. А уж на нашего Петю и подавно. Он заявляет, что личность Гриво как таковая его не интересует, а важен сам принцип: не обманывай граждан, коли ратуешь за семейные ценности, не ходи налево!

Хотя этот Петя уже не наш, а ваш. И сам об этом заявляет: "Сейчас я живу во Франции, я парижанин".

Павленский эмигрировал во Францию в 2017 году, а до этого у нас покурел-сил от души! Французская "Монд" даёт экскурс в судьбу любителя шокировать обывателей: "В России с 2012 по 2015 год Павленский прославился целой цепочкой шоковых акций. В первой акции он зашивал себе губы в поддержку группы Pussy Riot, во второй — заворачивается в кокон из колючей проволоки; в 2013 году прибывает к брусчатке Красной площади свои гениталии; в 2014 году отрезает себе мочку уха в психиатрическом учреждении. В 2015 году поджигает двери здания ФСБ, чтобы проявить свой протест против "власти, которая продолжает террор".

Надо сказать, что как свободная западная пресса, так и местные либералы коллективно истерили в поддержку этого "акциониста". "Рухи прощай! Дайте художнику право! Свободу Петю!" Сайт агентства журналистских расследований Mediapart напоминает, что "в то время французская пресса, да и вся либеральная общественность Европы, активно поддерживали Павленского. В октябре 2016 года Павленский нанёс первый триумфальный визит во Францию, чтобы рекламно продвинуть свою книгу... Мишель Эшлянинофф, эссеист и главный редактор журнала "Философия", основатель Фонда новых диссидентов, пишет предисловие к этой книге. И вспоминает об этих днях так: "Это был русский художник, работавший на разрыв. Поджечь двери ФСБ, проклясть карательную психиатрию, отдать своё тело на растерзание, чтобы обличить насилие со стороны государства, — вся эта деятельность казалась нам несущей глубочайшие смыслы".

Когда "борца с режимом" приютили во Франции, его благодарность стране не заставила себя долго ждать: он поджиг Банк Франции. Но когда Павленский поджигает двери БФ, поскольку "банки обворовывают народ", тот же восторженный почитатель смельчача-поджигателя, месье Эшлянинофф, уже иначе смотрит на языки пламени: "Поджигать двери ФСБ имело смысл, а вот зачем такое делать с Банком Франции — это я понимаю намного меньше".

Но ведь для особо непонятливых художника ясно высказалась: после уничтожения крепости Бастилии, "Символа деспотизма и рабства", на её месте возник "новый дом рабства", и "Банк Франции занял место тюрьмы, банкиры заняли место монархов". Чего тут непонятного?

А вот уже совсем ожидаемо. Парижский "Монд" намекает на сходство действий Павленского против Гриво с методами советских спецслужб: "Публикуя отрывок порно-откровений, нашедший убежище во Франции художник придал муниципальным выборам в Париже оттенок скандала по-американски, а ещё точнее — скандала в стиле компромат. Эта техника шпионажа, часто практиковавшаяся секретными службами СССР, состоит в разработке компрометирующих досье на то или иное значительное лицо".

Чуете, откуда и куда ветер дует?

А тут парень совсем разошёлся: он затевает поножовщину на какой-то вечеринке, режет всех, кто под руку попадёт, и, не мудрствуя, заявляет: "Эти люди просто вступили в разговор с полицией против меня".

Уже видели, уже слышали: "Слова о "заговорах полиции" и о "провокациях" Павленский употреблял и в России, отбиваясь от обвинений в сексуальном насилии, хулиганстве, порче имущества. И западные СМИ ему верили", — язвёт в комментариях сами французцы. Не без хвиста они замечают: "Ага, это вы, Франция Макрона, находили Павленского таким душкой, когда он жёл двери ФСБ — несмотря на подозрения в сексуальном насилии. Вы находили его таким милым, что дали ему политическое убежище".

Павленский идёт вразнос, заявляя, что Гриво стал первым политиком, которого он вывел на чистую воду: мол, будут и другие герои шоу "за стеклом". Так разве мы не услышим конспирологов всех мастей, что все "акции" Павленского в России были всего лишь операциями прикрытия, чтобы забросить эту бомбу в прекрасную Францию? Заслали Петю-казачка! Или, пока не всех "спили", насыплют набив руку на Скрипалях, чегоньбудь. И оба варианта для нас, народа России, — полный цуцганг: зверствует ли наша "элита", блаженствует ли, шкуру дубят нам.

Анна СЕРАФИМОВА